

В структуре художественного пространства романа Петербург и Деревня противопоставлены. По многим основным признакам к Петербургу тяготеют Москва и Одесса. В городских топосах преобладающее значение имеют локусы публичной жизни: театр (в Петербурге, Москве, Одессе), ресторан (в Петербурге, Одессе), бальная зала (в Петербурге, Москве), гостиная (в Петербурге, Москве), улица как место общения (в Петербурге, Москве, Одессе). Как видим, все они отмечены в петербургских главах и многие — в московских и одесских строфах.

Даже кабинет Онегина в гл. 1 описан как средоточие предметов, произведенных промышленностью разных стран и полученных в результате международной торговли.

В романе большой город невозможен без подробного описания театра. Упоминаются образы античной мифологии, имена театральных деятелей, более или менее подробно изображается представление. Но не меньшее внимание, чем театр как искусство, привлекает театр как место общения и выражения общественных настроений и индивидуальных симпатий. Не случайно две реалии, которые при изображении театра упоминаются чаще всего, — это ложи и лорнеты. Обязательны также возгласы и шумы, выражающие отношение зрителей к спектаклю и актерам, — аплодисменты, шиканье, крики «фора».

Петербург, Одесса, а отчасти и Москва — это область городского мира, непосредственно соприкасающегося с иноземной культурой и составляющего часть культуры мировой. Взгляд поэта далек от односторонности: он видит преемственную историческую силу искусства, науки, постепенно устранившую новые формы жизни, но также и все углубляющийся разрыв дворянской культуры с народной почвой и национальной традицией.

Изображение города в романе раздроблено на ряд изолированных эпизодов. Оно дано в гл. 1, 7, 8, в Отрывках из путешествия Онегина. Эта композиционная особенность соотнесена с разорванностью индивидуалистического сознания — одним из основных предметов художественного анализа в романе.

В противоположность этому Деревня дана как единый компактный топос в гл. 1—7 и образует композиционное ядро романа. Она противопоставляет городу как область идиллического мира [8]. Роль важного дифференциального признака играет кладбище, могила. Этот локус органически присущ «идиллическому хронотопу» [9, с. 374] и чужд городским топосам. Смерть отца Онегина, умершего в Петербурге, включена в фабулу романа, но похороны, могила, кладбище не изображены и не упомянуты, место надгробного памятника и эпитафии занимают расчеты с займодавцами. Напротив, смерти в деревне обставлены описаниями похорон, могил, надгробий, эпитафий не только тогда, когда они непосредственно связаны с действием романа, как смерть дяди Евгения и смерть Ленского, но и когда они даны вне фабулы, как смерть Дмитрия Ларина, родителей Ленского, няни Татьяны и Ольги. Гибель Ленского, одного из центральных персонажей, особенно значима, и его могила описана исключительно подробно — дважды (в конце гл. 6 и в начале гл. 7).

Своеобразным автокомментарием к образу могилы, кладбища в романе может служить позднее стихотворение «Когда за городом, задумчив, я брожу...» [7, т. 3, кн. 1, с. 422]. В первой его половине как раз описано городское кладбище, но выглядит оно противоестественно, отталкивающее:

Такие смутные мне мысли все наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Сельское кладбище, в развитие могучей предромантической и романтической традиции, представлено как естественное, органическое продолжение природы, наглядный символ связи поколений: